

Особенности развития транснациональной, национальной и локальной категорий самоидентификации мигрантов из Средней Азии (на примере Санкт-Петербурга)

Артем А. Андреев, Александр В. Ахматшин
Елизавета А. Годунова, Ольга М. Малахиева
Иван И. Наледин, Светлана А. Химчук
Ислам И. Юсупов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, gal7gas@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет собой результаты полевой исследовательской работы по изучению категорий самоидентификации трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге. Отмечается, что актуальность исследования связана с тем, что в настоящий момент в России существует явный разрыв между теоретическими выводами и практикой реализации ключевых идей миграционной политики, которая, в свою очередь, определяется недостатком информации о жизни самих мигрантов, о трудностях, с которыми они сталкиваются в принимающем обществе и при взаимодействии с государственными структурами, о представлениях мигрантов о самих себе и об их самоидентификации. В исследовании приняли участие сотрудники и магистры кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета. В ходе исследования было опрошено посредством интервью более 80 представителей трудовой миграции, а также студентов из трех постсоветских республик: Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Отмечается, что каждая из изучаемых категорий (транснациональная, национальная и локальная) не является жестко ограниченной и приобретает значение в зависимости от характера взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, с институтами власти (полиция, УФМС и т. д.) либо с бывшими соотечественниками.

Ключевые слова: трудовая миграция, транснационализм, принимающее сообщество, адаптация мигрантов, ксенофобия, трудовое миграционное законодательство, категории самоидентификации, локальность, национальная самоидентификация

© Андреев А.А., Ахматшин А.В., Годунова Е.А., Малахиева О.М.,
Наледин И.И., Химчук С.А., Юсупов И.И., 2019

Для цитирования: Андреев А.А., Ахматшин А.В., Годунова Е.А., Малахьева О.М., Наледин И.И., Химчук С.А., Юсупов И.И. Особенности развития транс-национальной, национальной и локальной категорий самоидентификации мигрантов из Средней Азии (на примере Санкт-Петербурга) // Вопросы этнополитики. 2019. № 1. С. 83–112. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-1-83-112

Development features of the transnational, national and local categories in the self-identification of migrants from Central Asia (by the example of St. Petersburg)

Artem A. Andreev, Alexander V. Akhmatshin,
Gulshat M. Gainetdinova, Elizaveta A. Godunova,
Olga M. Malakhieva, Ivan I. Naledin, Svetlana A. Khimchuk,
Islam I. Yusupov

*Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia, gal7gas@yandex.ru*

Abstract: The paper represents the results of research work carried out “in the field” to study the categories in the self-identification of migrant workers in St. Petersburg. It is noted that the relevance of the study is related to the fact that at present in Russia there is a clear gap between the theoretical conclusions and the practice of implementing the key ideas of the migration policy, which, in turn, is determined by the lack of information about the lives of migrants themselves, about the difficulties they face in the host community and in interaction with state structures, about the ideas of migrants about themselves and about their own self-identification. The study involved employees and masters of the Department of Ethnopolitology at St. Petersburg State University. The research team interviewed more than 80 labor migration representatives, as well as students from the three post-Soviet republics of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan. Each of the studied categories “transnational”, “national” and “local”, is noted for not being severely limited and for the fact that each one acquires an importance depending on the nature of the migrants interaction with the host community, with the institutions of power (police, migration authorities, etc.) or with former compatriots.

Keywords: labor migration, transnationalism, host community, migrant adaptation, xenophobia, labor and migration legislation, categories of self-identification, locality, national identity.

For citation: Andreev, A.A., Akhmatshin, A.V., Godunova, E.A., Malakhieva, O.M., Naledin, I.I., Khimchuk, S.A. and Yusupov, I.I. (2019), Development features of the transnational, national and local categories in the self-identification of migrants from Central Asia (by the example of St. Petersburg). *Issues of Ethnopolitics*, 2019, no. 1, pp. 83-112, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-1-83-112

Перед Санкт-Петербургом, как и перед любым иным современным российским городом-миллионером, стоит задача интеграции мигрантов, т. е. их постепенная адаптация к новой среде и создание на уровне государства и общества условий высокой степени «включенности» мигрантов «в жизнь принимающей стороны» [Малахов 2015, с. 32]. По данным на 2017 г., Санкт-Петербург входил в тройку лидеров по привлечению мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства или с целью длительного пребывания. Город в указанном году также занимал третье место в России по приросту населения за счет миграции (64,5 тыс. человек) [Щербакова 2017]. В 2018 г. Санкт-Петербург вышел на второе место по количеству приезжающих мигрантов. По данным официальной статистики, в целом по России за январь–сентябрь 2018 г. на миграционный учет было поставлено 2 640 988 человек, из которых 718 567 в качестве цели приезда указали работу¹.

К сожалению, из-за особенностей представленных официальных данных мы не можем обозначить эту общую цифру отдельно по республикам Центральной Азии – Узбекистану, Таджикистану и Кыргызстану². Можно лишь отдельно привести данные по количеству выданных трудовых патентов гражданам трех вышеупомянутых республик, чтобы подтвердить статус доноров трудовой миграции для указанных стран³.

Не будет преувеличением заметить, что отличия в культуре и в образе жизни у мигрантов служат препятствием для их адаптации и интеграции в условия современной городской жизни. Несмотря на отсутствие в последнее время громких резонансных уголовных дел на этнической почве, Санкт-Петербург по количеству случаев «расистского» и «неонацистского» насилия по-прежнему занимает лидирующие позиции⁴. Это свидетельствует о недостаточной прора-

¹ Министерство внутренних дел РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10735340/> (дата обращения: 29.01.2019).

² В 2017 г. в Санкт-Петербург въехали более 350 тыс. трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <https://spbdnvnik.ru/news/2018-02-14/v-2017-godu-v-sankt-peterburg-veykhalo-boleey-350-tysyach-trudovykh-migrantov> (дата обращения: 29.01.2019).

³ В Петербург в этом году приехало в 1,5 раз больше мигрантов из стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/09/05/732346-migrantov-sng> (дата обращения: 29.01.2019).

⁴ Ксенофобия в цифрах: Преступления ненависти и противодействия им в России в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2018/01/d38732/> (дата обращения: 1.02.2019).

ботке вопроса адаптации мигрантов на уровне принимающего сообщества. На государственном уровне (федеральном и региональном) установлены основные направления миграционной политики, но существует ряд вопросов по эффективности ее реализации, связанных с недостатком информации о жизни самих мигрантов, о трудностях, с которыми они сталкиваются в принимающем обществе и при взаимодействии с государственными структурами, о представлениях мигрантов о самих себе и об их собственной самоидентификации.

В российской действительности назрел явный разрыв, характеризующийся несоответствием между теоретическими посылами и практикой реализации ключевых идей миграционной политики. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что тематика трудовой миграции «идет рука об руку» с понятием экстремизма. Это подтверждается тенденцией к усилению роли силовых структур в реализации миграционной политики. Как известно, в 2016 г. произошло реформирование институционального обеспечения миграционной политики: была ликвидирована Федеральная миграционная служба и вопросы миграции переданы в ведение специально созданного управления в рамках МВД РФ.

В рамках исследовательского семинара, проводимого согласно программе магистратуры «Этнополитические процессы в современной России и мире» под руководством профессора В.А. Ачкасова на факультете политологии Санкт-Петербургского государственного университета, мы задались целью – в течение полугода исследовать категории самоидентификации мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, работающих и обучающихся в Санкт-Петербурге.

На уровне ООН общепринятой юридической дефиниции «мигрант», как известно, не существует, есть лишь определение со стороны Международной организации по миграции ООН. Согласно ему, мигрант – это лицо, перешедшее границу или переехавшее внутрь страны с привычного места, вне зависимости от того, легально это было сделано или нет, добровольно или нет и в силу каких-то обстоятельств⁵. Считается, что в обычной практике к этому определению подходят и «краткосрочные мигранты, такие как сельскохозяйственные работники», которые приезжают на короткое время для работ⁶. На уровне российского законодательства также нет единого определения «мигрант».

⁵ Key Migration Terms [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (дата обращения: 1.02.2019).

⁶ Беженцы и мигранты [Электронный ресурс]. URL: <https://refugeesmigrants.un.org/ru/definitions> (дата обращения: 1.02.2019).

Любая попытка дать точное определение, как и в случае с большинством явлений, лишь отдаляет от нас реальную составляющую данного термина. Исходя из этого, мы для себя, возможно и определенно волонтаристски, отнесем к мигрантам тех, кто прибыл из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана в Россию с целью работы (трудовые мигранты) либо учебы (студенты). В реальности нередки случаи, когда эти цели у приезжих совпадают. Например, один из соавторов статьи И. Юсупов прошел путь от наемного разнорабочего до магистранта СПбГУ.

Трудовые мигранты из стран постсоветской Центральной Азии, а именно из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, были выбраны для исследования как представители стран-доноров миграционных потоков. С одной стороны, наблюдается тенденция усиления их влияния на городскую среду, с другой стороны, происходит локализация сообществ. Это, в свою очередь, ведет к изменению поведенческих установок, связанных с адаптацией к новым условиям внешней среды. Иными словами, категории самоидентификации претерпевают значительные изменения, что представляет особый интерес для нашего исследования.

Определить наиболее верные теоретические подходы для нашего исследования оказалось сложнейшей задачей. Феномен идентичности крайне популярен в гуманитарных науках. Поэтому исследований на тему этнической идентичности великое множество, среди них есть работы и по вопросам самоидентификации трудовых мигрантов в России [Руденко 2011, Максименкова, Окладникова 2014, Трансформация 2014, Трудовая миграция 2016, Бритвина, Шумилова 2017]. Некоторые статьи при этом располагают откровенно слабой аналитической составляющей при полном отсутствии полноценных источников и материалов [Франц 2017].

В особый ряд среди комплексных работ по теме миграционных процессов можно выделить исследования на тему стратегий мигрантов в России в целом и в субъектах РФ в частности. Здесь наблюдается фокус именно на выходцах из Узбекистана (вне зависимости от их этнического происхождения) [Абашин 2012, Абашин 2015, Абашин 2017]. Наличие стратегии подразумевает, что практики – это не что иное, как тактические действия для достижения конечной цели.

Последняя же определяется максимумой «возвращения домой» с заработанными средствами для финансирования домашнего строительства, традиционных практик и социокультурных норм, также связанных с колоссальными затратами. Напрямую не указывается, но подразумевается, что трудовые мигранты больше руководствуются целями своих семей и родственников, нежели собственными.

Поэтому и категория самоидентификации родства должна быть приоритетной в ряду этнической, национальной и религиозной. Данное утверждение трудно оспорить, но в целом остается неизвестным, каким образом миграция влияет на указанные иные категории самоидентификации.

В.И. Мукомель прослеживает влияние среды, где трудится мигрант, на развитие самоидентификации. В случае совместного труда с родственниками или «соплеменниками» особую значимость приобретает национальная принадлежность на государственном или субэтническом уровне. При частой совместной работе с местными жителями «характерна иная структура идентичностей», происходит идентификация себя с гражданами России [Мукомель 2018, с. 242]. Здесь особенно важно то, что трудовые мигранты зачастую придают значение тому, с кем придется работать. В равной степени есть и обратная тенденция, когда работодатель стремится не создавать «смешанные» коллективы, например состоящие из жителей Кыргызстана и Узбекистана.

О том, каким образом происходит выбор в процессе самоидентификации мигрантов в подростковом возрасте и во втором поколении, рассматривается в статье В.А. Иванюшиной, Д.А. Александрова и Е.В. Казарцевой [Иванюшина, Александров, Казарцева 2016]. Наследственный характер этнической идентичности, т. е. ее примордиальное понимание на уровне школьников, был подтвержден проведенной авторами серией интервью. Интерес представляет вывод о различии к подходу самоидентификации в зависимости от состояния и степени институциональности диаспоры. Например, армяне и азербайджанцы не испытывают затруднений с «манифестацией идентичности». Напротив, выходцы из таджикских и узбекских семей могут называть себя русскими. Мы во многом заимствовали методику данного исследования, прежде всего способ интервьюирования, с той лишь разницей, что мы изначально хотели отказаться от анкетирования. Но ввиду сложностей при проведении глубинных интервью часть из них действительно получилась как ответы на вопросы в анкете.

А.Б. Моргунова для анализа миграционной сферы в России в статье использовала подход Т.И. Заславской [Моргунова 2014]. Он подразумевает три уровня возможности социального действия для социальных акторов (микро-, мезо- и макроуровни). В статье мы рассматривали различные аспекты интеграции и адаптации в совокупности с жизненной стратегией, проблемами, возможностями, соблюдением традиций. Рассмотренные нами конфигурации позволяют говорить о том, что мигранты, особенно трудовые, в России могут действовать лишь на микроуровне. Следовательно,

такие категории, как «неформальность», «маргинальность», «оппозиционность обществу», конструируются теми акторами, которые действуют на макро- и мезоуровне.

Транснационализм и подходы к его изучению, тоже в силу популярности данного направления в миграционных исследованиях, требуют детального рассмотрения. Сам термин «транснациональный» (transnational), как альтернатива «международному» (international), был предложен Дж. Наем и Р. Кеохейном в рамках их концепции в теории международных отношений [Ney, Keohane 1971, p. 331]. В начале 1970-х годов ими была выдвинута идея о превращении финансовых корпораций и международных компаний в полноценных акторов мировой политики. Спустя почти двадцать лет, когда все большую актуальность приобретала проблема растущей миграции населения из развивающихся стран в развитые страны Запада, транснационализм как подход к интерпретации процессов взаимоотношений мигрантов, государства и принимающего сообщества сам «мигрировал» из теории международных отношений в область миграционных исследований.

Американские исследователи Н.Г. Шиллер, Л. Бах и К. Бланк-Сзантон были первыми, кто разработал теоретическое обоснование и ввел термины «транснационализм» и «трансмигранты» в социальную антропологию [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992]. Ими были определены шесть предпосылок к пониманию процесса транснационализма. Рассмотрим каждую из них отдельно.

1. Рамки, заданные в социальных науках в отношении таких терминов, как «племя», «этническая группа», «нация», «общество», «нация» или «культура», ограничивают наши возможности анализировать феномен транснационализма [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 5]. Фактически это можно воспринимать как критику этнографии, как отрасли знаний, не способной в современных условиях изучать миграционные процессы в контексте их влияния на национальное государство, по словам авторов, проявляющее противоречивую живучесть в эпоху глобализации [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 8].

2. Вторая предпосылка исходит из первой и призывает изучать феномен неразрывно в контексте перемен на глобальном уровне [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 5]. С ней трудно не согласиться в отношении важности контекста. Однако при детальном исследовании миграции из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана можно определить границы этого влияния. Есть прямая зависимость внутриэкономической ситуации в России от внешнеполитической обстановки (санкции, рост иностранной валюты и т. д.). Но в целом тренд в российском случае задается больше взаимоотно-

ношениями России с тремя данными республиками Центральной Азии и их внутренними факторами (низкие зарплаты, рост населения и рост безработицы). Являются ли эти взаимоотношения частным случаем общей глобальной тенденции расхождения «Севера и Юга» – отдельный и дискуссионный вопрос. Безусловно, мигранты из стран Центральной Азии выезжают и в другие страны, но их количество по данным статистики также не позволяет вывести проблему на глобальный уровень.

3. Транснационализм основывается на повседневной жизни, деятельности и социальных отношениях мигрантов [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 5]. На примере повседневных контактов мигрантов из Гаити и Филиппин, использующих заработки в США для реализации традиционных практик на исторической родине, авторы стремились обозначить проявление транснационализма. Фактически это прямая проекция внешнеэкономических контактов транснациональных компаний и их значимости в теории международных отношений в область социальной антропологии. Мы не видим здесь дальнейшую перспективу развития контактов на наднациональном уровне: сохранит ли она свое значение либо возьмет верх тенденция к миграции остальных участников данного взаимодействия в отдаленном будущем в США из-за разницы в уровне доходов или в силу иных причин. На наш взгляд, она нуждается в изучении, поскольку иначе транснационализм воспринимается как система взаимоотношений, исключая роль государства или умаляющая их значение, что также свидетельствует о «миграции» данной концепции из теории международных отношений.

4. Транснациональные мигранты, преимущественно трудовые мигранты, живут в сложных реалиях, заставляющих их противопоставлять, использовать и «переделывать» категории идентичности: этнические, национальные и расовые. Данная предпосылка для нашего исследования представляет наибольший интерес, поскольку посвящена трансформации категорий идентичности мигрантов, большей частью трудовых. Авторы считают, что трансмигранты создают новую изменчивую и множественную идентичность, которая помогает им сопротивляться глобальным политическим и экономическим переменам [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 11]. При этом ими подчеркивается статус трансмигрантов как мобильной рабочей силы в рамках глобальной экономической системы, поэтому важно изучать их особенности и устремления. На наш взгляд, здесь вновь прослеживается влияние транснационализма как концепции теории международных отношений. Безусловно, крайне важно знать устремления, точнее свой частный взгляд, на собственную идентичность и ее категории у мигрантов, не обязательно трудовых.

Вместе с тем путем полевого исследования представляется целесообразным проверить тезисы авторов-основателей концепции транснационализма о том, что в современных условиях «люди... создают новое социальное и культурное пространство, которое требует нового осознания того, кем они являются, нового сознания и новых идентичностей» и, следовательно, нельзя к этому явлению подходить с видением, «сформированным политическими границами национальных государств» [Shiller, Basch, Blanc-Czanton 1992, p. 11].

5. Изменчивое и сложное существование транснациональных мигрантов, по словам авторов, вынуждает нас переосмыслить категории национализма, этнической принадлежности и расы, теоретическую работу, которая может внести вклад в переосмысление нашего понимания культуры, класса и общества. Поскольку в рамках нашей статьи и наших семинарских занятий мы не ставили перед собой таких фундаментальных задач, то не будем подробно останавливаться на этом тезисе.

6. Трансмигранты сталкиваются с рядом гегемонистских контекстов, как глобальных, так и национальных. Данный тезис интересен тем, что выводит категорию трансмигрантов из области наднационального, т. е. области исключительно взаимодействия их со своими соотечественниками на родине, минуя влияния принимающего сообщества и государства. Вопросы влияния государства и общества на категории самоидентификации, степень его «гегемонии» над мигрантами мы попытались рассмотреть в серии наших интервью. В частности, расспрашивая последних о том, насколько трудно соблюдать в России собственные традиции, соответствовать принятым религиозным нормам, какой им видится реакция петербуржцев во время празднования Курбан-байрам и Ураза-байрам. Во многом результаты не оказались неожиданными, но тезис о наличии гегемонии со стороны принимающего общества не подтвердился.

Подобно конструктивистской парадигме, с небольшой задержкой транснациональный подход нашел своих сторонников среди российских исследователей [Глуценко 2005, Абашин 2012, Vertovets 2009]. Г.И. Глуценко выдвинул тезис о трансмигрантах «как самостоятельных акторах глобального мира». Данное стремление обозначить их особую или равную роль с реальными акторами мировой политики еще раз доказывает наличие преемственности транснационализма с одноименной парадигмой в теории международных отношений. «Трансмигранты», согласно мнению автора, развивают и поддерживают семейные, социальные, экономические, политические, организационные и религиозные отношения,

простирающиеся через границы. В свою очередь их экономические интересы находятся как в стране проживания, так и на родине [Глуценко 2005, с. 51]. С данным утверждением, если речь идет о мигрантах из среднеазиатских республик, на наш взгляд, можно согласиться. Среди указанных видов отношений совершенно справедливо были указаны, в том числе и в порядке их значимости, семейные, социальные, экономические и в последнюю очередь политические и религиозные. Причем семейные связи, точнее самый высокий уровень их значимости, во многом определяют стратегию и практики мигрантов. Собственно сохранение их значимости в течение еще очень длительного времени и обуславливает актуальность транснационального подхода к изучению миграции из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

При этом единственным слабым местом транснационального подхода к реалиям трудовой и иной миграции из указанных стран является отсутствие диаспор как таковых. Свои тезисы Г.И. Глуценко подтверждает примерами политической значимости (в стране происхождения и в стране проживания) ирландской, гаитянской, мексиканской и иными диаспорами, более или менее институционализированными в условиях системы лоббирования в США. Случай же с мигрантами из постсоветских республик Центральной Азии – явление совершенно иного рода. Существующие официальные узбекская, таджикская и кыргызская диаспоры де-факто таковыми не являются, и их «официальные» представители, как правило, не имеют влияния на бывших соотечественников.

Завершая критический обзор транснационального подхода, следует обозначить, что в нем уже есть отдельное направление, где нет стремления рассмотреть данное явление на глобальном уровне. Скорее наоборот, локальность здесь имеет ключевое значение. Одновременное состояние мигранта «и там и здесь», как бы в «третьем поле» выражается в последующем раздвоении состояния «своего» и «чужого» [Абашин 2012, с. 26]. Локальность как реакция, как результат процесса глобализации рассматривается в монографии П. Левитт [Levitt 2001]. С одной стороны, данное научное направление предлагает эффективный инструментарий для изучения мигрантов из Узбекистана и Таджикистана – стран, где локальный фактор до сих пор имеет первостепенное значение. С другой стороны, оно не позволяет в полной мере учесть все факторы, влияющие на решение мигрантов, оставаться в стране или нет, а также уделяет мало внимания проблеме самоидентификации мигрантов второго и третьего поколений. Данный подход в итоге скорее обозначает перспективу сохранения связей между выходцами из одного локального сообщества, махалли и т. д. в странах, где они работают и проживают.

В целом, как уже говорилось, наши методы исследования корректировались реальностью. Изначально планировалось силами группы магистрантов взять глубинные интервью у 100 мигрантов из республик Средней Азии. В процессе выяснилось, что необходимо наличие достаточных знаний русского языка у респондентов или знаний национальных языков интервьюерами. В противном случае глубинное интервью превращалось в анкетный опрос либо шло ограничение выборки респондентов по критерию уровня образования. С одной стороны, выходом стала ориентация на односложные ответы, наподобие анкетных, с другой стороны, заметную помощь нам оказал присоединившийся к нам магистрант восточного факультета из Узбекистана Ислам Юсупов: им проводились глубинные интервью соотечественников на узбекском языке.

На практике ввиду этого обстоятельства общее количество интервью и опросов получилось 81, полноценных глубинных интервью – 30, из которых $\frac{1}{3}$ это интервью со студентами. Разумеется, они не подпадают под категорию трудовых мигрантов, но тот факт, что подавляющее большинство из них свое будущее ассоциируют с Россией, позволяет их отнести к категории мигрантов; их самоидентификация и ее развитие, безусловно, вызывают интерес. Данные опросов и интервью студентов могут быть отождествлены с аналогичными полученными данными в результате опросов собственно самих трудовых мигрантов.

Форма глубинного интервью подразумевает достаточно интуитивный подбор вопросов в зависимости от реакции респондента. На наш взгляд, прямой вопрос: «Кто вы по национальности?» – не лучшим образом скажется на откровенности опрашиваемого. Отчасти категория национальной и локальной идентичности прослеживается через самоидентификацию индивидуума с историей своей страны и места проживания, его отношения к известным историческим личностям. Данный подход обнаружил свои сильные и слабые стороны.

Дело в том, что неожиданным оказался называемый информантами спектр деятелей от полководцев до балерин (Бюбюсара Бейшеналиева). Для удобства мы распределим наиболее часто упоминаемые личности по странам опрашиваемых. Среди выходцев из Узбекистана наиболее популярной исторической личностью оказался, вполне ожидаемо, Амир Темур (семь респондентов выделили его как самую знаменитую личность). Удивляет здесь малое количество назвавших Тамерлана, особенно в связи с тем, сколько проводилось практических действий политики памяти в Узбекистане И.А. Каримовым [Даудов, Алимджанов, Андреев, Шорохов, Янченко 2018]. Улугбека назвали лишь трое респондентов. Собственно,

самого бывшего президента упомянул лишь один респондент. Нынешний президент Ш. Мирзеев был назван тремя респондентами. Выходцы из Хорезмийской области традиционно называли самой знаменитой личностью в истории Джелал ад-Дина Мангуберды (четыре респондента) и Аль-Хорезми (пять респондентов).

Локальная идентичность прослеживалась в ответах жителей Ферганской области, поскольку трое респондентов, родом из нее, с гордостью называли Бабура, а трое – Аль-Фергани.

Ответы выходцев из Таджикистана формировали такую же большую выборку исторических деятелей, лидером в которой оказался действующий президент Э. Рахмон (пять респондентов). Для нас во многом оказалось удивительным, что из 30 респондентов из Таджикистана Исмаила Сомони упомянул лишь один, что свидетельствует также о неутешительных итогах государственной политики памяти в республике. Трое респондентов назвали выдающейся исторической личностью, кстати совершенно справедливо, – Абу Али ибн Сино. В остальном же упоминались, как правило, совершенно разные личности – Саади Шерози, Рудаки, Омар Хайям, Ага-хан IV (очевидно, что он был назван выходцем из ГБАО. – *Авт.*), Сайиф Исфаранги, Садреддин Айни и другие.

Аналогичный спектр наблюдался среди ответов респондентов из Республики Кыргызстан. Наиболее популярными историческими деятелями (получается, и мифическими тоже) стали Чингиз Айтматов (четыре респондента) и богатырь Манас (два респондента).

Таким образом, наиболее манифестной оказалась локальная идентификация хорезмийцев и ферганцев из Республики Узбекистан (мы не исключаем, что если бы среди информантов оказались выходцы из ГБАО Республики Таджикистан, то манифестации особой этнической идентичности были бы не менее яркими. – *Авт.*). Подтверждается она не только чувством гордости за свою историю локального уровня, но и желанием работать в коллективе своих соплеменников.

Мы хорезмийцы, мы огузы. Поэтому мы ближе к тюркам. Тюрки-огузы... Я всегда гордился, что я узбек и я из Харезма (*из интервью с Яшеном, 28 лет, г. Хива, Республика Узбекистан*).

На вопрос «Чем, по-вашему, хорезмийцы отличаются от других узбеков?» был получен ответ от одного из информантов: «Мы более прямые и откровенные. Говорим так, как есть». На следующий вопрос о субэтнических границах – «Как вы относитесь к тому, что хорезмиец или хорезмийка женится или выйдет замуж за узбека не из Хорезма?» – был получен ответ о том, что это плохо.

«Остальных мы называем – «Уша» (они)» (*из интервью с Улугбеком Рустамовичем Курбаниязовым выходцем из г. Ургенч, работающим в Санкт-Петербурге*). Выходцам из Ташкента и из Сурхандарьинской области также было свойственно говорить со степенью превосходства относительно своей локальной идентичности.

В Ташкенте не любят приехавших из других городов, а в регионах – не любят из соседних областей (*из интервью с Ш. Чориевым, 24 года, г. Ташкент, Республика Узбекистан*).

Национальная категория самоидентификации прослеживалась в вопросах отношения мигрантов к представителям других национальностей: что для вас значит быть узбеком, таджиком или киргизом?

Что значит узбек? Узбек, значит это мы беки, ханы, независимые люди. Но наши узбеки в России никогда не поддерживают друг друга. Например, таджики всегда окажут поддержку друг другу, но у нас среди узбеков таких мало (*из интервью с Зоей, 44 года, Республика Узбекистан*).

Из 81 респондента 42 подтвердили факт наличия родственников в России и 37 выразили желание остаться в России на постоянное проживание, трое связывают будущее с миграцией в европейские страны (рис. 1). Лишь 14 респондентов пожелали вернуться домой, а 22 не дали ответа. Полученные цифры объясняются более высоким уровнем жизни в России. Один из информантов так и ответил на вопрос, почему он хочет остаться в Петербурге:

Хочу еще больше освоиться тут в Петербурге, хочется свой уровень жизни поднять (*из интервью с Расулом Маматовым, 20 лет, г. Самарканд, Республика Узбекистан*).

Сохранение у всех респондентов связей с родственниками на родине еще раз свидетельствует об актуальности транснационального подхода. С другой стороны, о дальнейших перспективах их развития и значимости в последующих двух-трех поколениях говорить пока рано, равно как и о сети связанных между собой локальных сообществ по миру.

В этой связи уместным был вопрос, с какой страной респонденты связывают будущее своих детей: со страной происхождения или с Россией. Данная формулировка затрагивала личную сферу, что повлияло, как мы считаем, на последовавшие ответы. Из 81 респон-

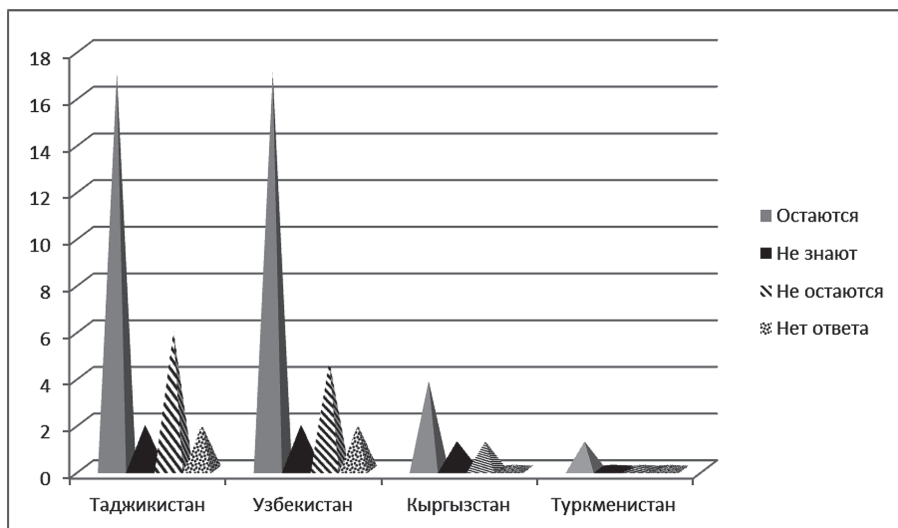

Рис. 1. Ответ на вопрос: «Желаете ли вы остаться на постоянное место жительства в России?»

дента на эту тему согласились поговорить только 35 человек, из которых 15 человек выразили желание, чтобы их дети оставались в России, 16 – не определились с ответом, лишь двое пожелали связать будущее детей со своей родиной и двое посчитали, что решение о месте жительства должно оставаться за детьми.

Вопрос о преемственности традиций последующим поколением, логичный для выявления категорий самоидентификации, в большей степени отразил наличие наднациональной, религиозной идентичности. Традиция и религия, можно условно так сказать, оказались контаминированы в сознании большинства мигрантов. Собственно, как это определил один из информантов: «Главное это наши мусульманские традиции» (*из интервью с респондентом из Республики Таджикистан, 32 года, г. Канибадам*). Среди традиционных праздников, за исключением Новруза, часто назывались праздники религиозные – Ид-аль-Фитр и Ид-аль-Адха.

В связи с этим основным пожеланием к сохранению традиций было оставаться мусульманином (мусульманкой): «...держу пост, хожу в мечеть по пятницам, начинаю молиться пять раз даже на рабочем месте! Не пью, не курю, занимаюсь только спортом! Никогда не отказывался от своих традиций» (*из интервью с А. Омоновым, 28 лет, Республика Узбекистан*).

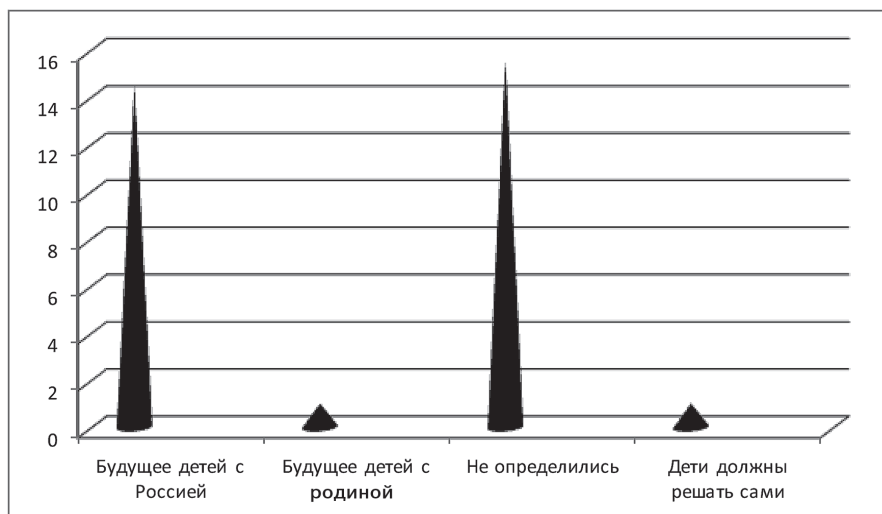

Рис. 2. Ответ на вопрос:
«С какой страной вы связываете будущее своих детей?»

Далее, уже в меньшей степени, выражалось желание, чтобы дети знали родной язык. Один из ответов респондента совмещал в себе оба таковых:

Я пока не решила все, но хочу, чтобы они знали таджикский. Я очень надеюсь, что они будут религиозны. Но все же это будет их выбор (из интервью с Махинов, 19 лет, г. Худжанд, Республика Таджикистан).

Традиции для детей: Коран читать и намаз совершать (из интервью с Гулипой, 46 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Я не знаю, какие традиции должны бы были соблюдать мои дети. Из праздников у нас же есть только Курбан-Байрам... и Новруз (из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан).

Установки морали среди некоторых респондентов определялись как часть традиции, передаваемая по наследству:

Жить с одной женщиной, не изменять, как ее муж и отец ее детей (из интервью с Гулипой, 46 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Каждый кыргыз должен уважать старших. То, что я заметил, пока учился здесь... То, что у нас молодежь больше уважает старшее поколение, чем здесь, например... В Кыргызстане ты не увидишь ни одной бабушки и дедушки, чтобы они ходили одни с большими сумками по

рынку, или жили одни. Такого нет там. Там всегда дети заботятся о своих родителях. А здесь я часто вижу такое: такая бабушка, уже еле ходит, с большими сумками заходит в магазин. У нас такого нет вообще (*из интервью с Э.Н. Куланбаевым, 23 года, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Предпочтение своей национальной кухне также определялось как соблюдение традиции, в том числе и религиозной традиции:

Да, я обязательно праздную такие религиозные праздники, но из-за работы не всегда получается сходить в мечеть и молиться. Но дома мы готовим особенное блюдо плов, или же звоним своим родственникам в Таджикистан и поздравляем их с праздником (*из интервью с О.М. Косимовым, 52 года, г. Курган-тюбе, Республика Таджикистан*).

...Из-за плотного графика не могу ходить в мечеть. Но дома со своими друзьями готовим плов каждый праздник и посидим (*из интервью с Бахромом, 28 лет, г. Узренч, Республика Узбекистан*).

– Сложно ли в России соблюдать ваши традиции? Соблюдаете ли вы традиции у себя на родине? Пришлось ли от чего-то отказаться после переезда в Россию? – Несложно, я все соблюдаю так, как в Узбекистане. Ем национальные блюда. Если это не суп, то мы кладем на одну тарелку как в Узбекистане. Даже если я на улице, то я постараюсь поесть в узбекских кафе (*из интервью с Гофуром, 50 лет, г. Ташкент, Республика Узбекистан*).

Было одно контрастирующее с общей установкой на сохранение религиозной и национальной идентичности пожелание придерживаться общечеловеческих ценностей:

Мне кажется, что обычные человеческие ценности важнее традиций. Надо конечно, чтобы они знали историю. Если мой ребенок будет находить веру в религии, то я не буду против, но буду следить за этим, потому что можно легко удариться в фанатизм (*из интервью с Сафиной, 22 года, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

В некоторых интервью можно видеть, каким образом респондент пытается выразить максимально больше критериев узбекской традиционности:

Живу со своими земляками, и мы всегда едим наши национальные блюда, общаемся на узбекском, смотрим концерты наших узбекских певцов и артистов. Все соблюдается так, как в Узбекистане. На каждый национальный праздник мы надеваем свои национальные платья

и идем даже на работу в них. Наши начальники радуются и поздравляют нас (*из интервью с Гульнорой, 51 год, Республика Узбекистан*).

– Сложно ли в России соблюдать ваши традиции? – Нет, совсем не сложно. Да, я соблюдаю традиции. Праздную Рамадан, Курбан-Байрам, и тут нет запрета мусульманам носить наши головные уборы. До сих пор ем наши традиционные блюда и мы всегда ведем себя как в Узбекистане и уважаем старших. Я отказалась от нашей национальной одежды, так как здесь бывает очень холодно, и мне пришлось ходить в джинсах, в чем я раньше никогда не ходила (*из интервью с Зоей, 44 года, Республика Узбекистан*).

Я живу со всей семьей, и мы все живем так, как и в Узбекистане. Например, едим свои национальные блюда, общаемся на узбекском, смотрим узбекские фильмы и концерты (*из интервью с Г.П. Мадмаровым, 55 лет, Ферганская область, Республика Узбекистан*).

Последние три ответа служат убедительным аргументом в пользу транснационального подхода, поскольку свидетельствуют о принципиальной возможности при отсутствии полноценного института диаспоры оставаться в рамках собственно узбекского общества, по большей части за счет современных технических средств. Более того, так как данные ответы были озвучены в отношении вопроса традиций, можно констатировать стремление сохранить национальную идентичность как часть общей стратегии у мигрантов из региона.

Органичность религиозного и традиционного в самоидентификации мигрантов прослеживалась в ответах на вопрос относительно сложности в соблюдении традиций на территории Российской Федерации. Рассматривая более подробно интервью, в которых интервьюируемые не ограничивались при ответе на вопрос «Трудно ли Вам соблюдать традиции, проживая в России?» одной лишь фразой: «Нет, не трудно», можно выделить три группы респондентов.

Первая группа не проводит четкой границы между традициями и религией. И отвечая на вопрос о традиционных устоях, имеют в виду религиозные:

Местное население может возмущаться (по поводу мусульманских праздников, обрядов, традиций), так как в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Я понимаю, что я здесь – гость. Я здесь резать барана не буду, дома, в общем-то, тоже не режу (*из интервью с Б. Айымжан, 24 года, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Традиции свои тут соблюдать не сложно (мусульманские), ни от чего не пришлось отказываться, здесь ничего не запрещено (*из интервью с Бахтоваром, 29 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

Респонденты из второй группы однозначно не утверждают о наличии больших трудностей с соблюдением традиций, однако подчеркивают определенные аспекты, вызывающие неудобства. Это – нехватка времени, несовпадение выходных дней и национальных праздников и проч.:

Про традиции могу сказать, что мы празднуем все праздники, но не так масштабно, как на Родине... Не приходится отказываться полностью, просто уже точно не как дома (*из интервью с Адуллохом, 29 лет, г. Ташкент, Республика Узбекистан*).

Полностью отказываться (от традиций) нет, не приходится. Но тут труднее – просто некогда, не на все денег хватает (*из интервью с Р. Маматовым, 20 лет, г. Самарканд, Республика Узбекистан*).

Следующая группа подчеркивает особое влияние семьи в поддержании традиционных устоев. Если человек мигрировал и живет с семьей, ему легче продолжать соблюдать традиции вне родины:

Если семья тут – не сложно (соблюдать традиции) (*из интервью с Алиматом, 27 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

Нет, не сложно (соблюдать традиции). Мы тут своей большой семьей праздники празднуем, и все в порядке. Главное в соблюдении традиций, чтобы вокруг были твои родственники (*из интервью с Изатом, 52 года, г. Худжанд, Республика Таджикистан*).

Среди национальных праздников чаще всего упоминается Новруз. В целом государственные праздники отмечаются по мере возможности:

...с ребятами из Узбекистана, из Кыргызстана, из Казахстана иногда во время таких праздников национальных, как Новруз, 21 марта мы справляем, такой Новый год: мы собираемся с ребятами, готовим плов, празднуем, так сказать, если это выходной. В меру своих возможностей, потому что это же общежитие (*из интервью с А. Османлиевой, 20 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Есть, например, Новруз, есть государственные праздники Республики Узбекистан, которые не празднуются в России, но мы их, допустим, можем праздновать... иногда мы празднуем День независимости... Новруз мы празднуем, но это тоже так: какое-нибудь блюдо сделать, которое готовят именно к этому празднику, – сумалак (*из интервью с Ж. Муминовым, 22 года, Самарканд–Санкт-Петербург*).

Из ответов очевидно, что государственные праздники не так важны для мигрантов, как религиозные. При этом и те и другие отходят на второй план в условиях проживания вне семьи и вне традиционного общества (речь идет в основном о молодых мигрантах), восприятие реальности трансформируется, становится более подвижным:

Конечно, Санкт-Петербург и Россия влияют на то, чтобы отходить от некоторых принципов. Традиции соблюдает закрытое общество, которое не принимает из внешнего мира ничего. Потому что то, что приходит к нам с Запада или из России, может повлиять негативно или нарушить наши устои, обычаи, поэтому мы стараемся соблюдать наши традиции. У нас очень богатые традиции. Здесь, в отличие от Узбекистана, есть свобода. Когда у тебя есть свобода, очень легко забываются свои традиции и обычаи (*из интервью с И. Юсуповым, 26 лет, Ферганская область, Республика Узбекистан*).

Были и респонденты, понимающие под традициями не только национальные праздники, но и внутренние устои своего общества, такие как уважение к старшим, гостеприимство, беспрекословный авторитет родителей и проч.:

...наш народ, кыргызы, они всегда отличались именно гостеприимностью (*из интервью с А. Османалиевой, 20 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Традиции, не связанные с празднованием каких-то событий, это, пожалуй, то, что в характере или в этногенезе нашего народа, это уважение к старшим, уважение к младшим... (*из интервью с Ж. Муминовым, 22 года, Самарканд – Санкт-Петербург*).

Такие традиции, являющиеся больше поведенческими установками, как правило, сохраняются мигрантами и вне своего общества.

Три респондента из 81 на вопрос «Трудно ли Вам соблюдать традиции, проживая в России?» дали положительный ответ. Проблемы, перечисленные ими, связаны с отсутствием понимания со стороны принимающего общества: неприязненные взгляды во время празднований, невозможность уйти с работы в пятницу или в другой день, являющийся праздником в родной стране мигранта, но при этом не являющийся таковым в России.

Когда здесь ходим в мечеть, люди смотрят, это неприятно: мы же на улице будем сидеть, хочется в мечети читать. Конечно, неприятно на улице сидеть, но надо же читать. На улице неудобно просто. Людямусульмане по-другому смотрят, плохо (*из интервью с Д.Р. Муродовым, 25 лет, г. Турсунзаде, Республика Таджикистан*).

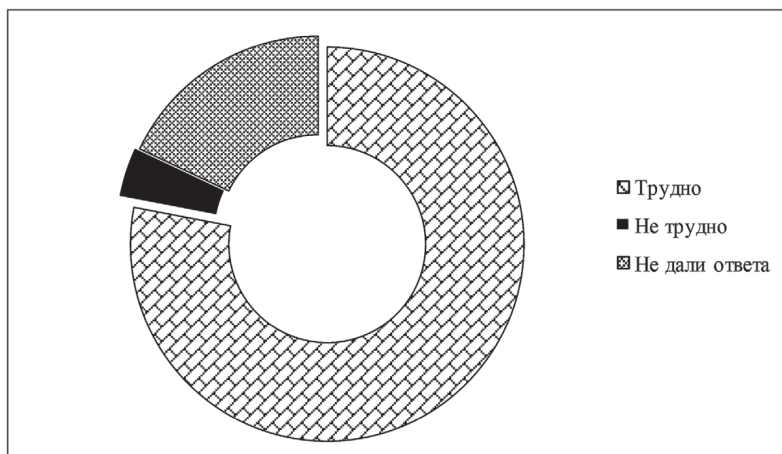

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Трудно ли Вам, проживая в России, соблюдать традиции вашего народа?»

Религиозная наднациональная категория самоидентификации прослеживалась в большинстве ответов респондентов относительно брака с иноэтничным или иноконфессиональным представителем. Из всего числа респондентов (81 человек) на подобные личные вопросы в ходе интервью согласились ответить 30 человек. Для восьми человек главной была названа религиозная принадлежность потенциального брачного партнера:

– Примите ли вы невестку другой национальности и религиозной принадлежности? – Да, приму, но при одном условии, если она примет ислам. Даже в Коране написано, если из-за кого-то не мусульманин примет ислам, то тому очень большое вознаграждение (*из интервью с О.М. Косимовым, 52 года, г. Курган-Тюбе, Республика Таджикистан*).

– Если ваш сын женится на девушке другой национальности и веры? – Это не соответствует нашим узбекским нормам, но если она примет ислам, и если мой сын не против, то я одобрю (*из интервью с О. Абдукаримовой, 48 лет, г. Ош, Республика Кыргызстан*).

В ответах встречались манифестации локальной и национальной категории самоидентификации, в основном среди граждан Республики Таджикистан.

Я бы не вышла замуж (не за таджика). Важно, чтобы это был таджик. Даже моя бабушка не отдает меня за одного парня. Мы с одного

района, а он живет в другом. Она говорит, что это не то. Я не знаю, почему. Он должен быть мусульманином (*из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан*).

Никогда не соглашусь на другую национальность для детей. Только таджика – для детей своих.

В избранных своих детей не важна нация, главное, чтоб был мусульманином.

У меня жена таджичка. Для меня не важно, какой национальности будут избранные детей. Если они будут русскими, если они согласятся принять ислам, то тогда можно, а если не захотят – нет. Невеста может быть из любого района Таджикистана, главное, чтобы не памирка. Памирки самые красивые, но у них религия другая. Нельзя. Главное, чтоб одна религия (*из интервью с Ш.Х. Хочихоновым, г. Исфара, Республика Таджикистан*).

– Женились бы вы на девушке другой национальности, но при этом мусульманке? – Нет, никогда! Только на узбечке (*из интервью с Бахромом, 28 лет, г. Угреч, Республика Узбекистан*).

– Женитесь ли вы на девушке другой национальности, если ради вас она согласится принять ислам? – Нет! Только на узбечке и мусульманке, потому что здесь другой менталитет и они никогда не смогут соблюдать наши обычаи и традиции (*из интервью с Яшеном, 28 лет, г. Хива, Республика Узбекистан*).

Основная масса опрошенных мигрантов не сталкивалась с ксенофобией и дискриминацией по национальному и религиозному признаку или не придавали этому значения. Нас это насторожило в отношении искренности респондентов. Из них несколько человек (не более пяти) отмечало о предвзятости в проверке документов сотрудниками МВД. Многие этот вопрос старались игнорировать. Из интервьюируемых А. Ахматшиным 28 человек шестеро заявило о безразличии к ним местного населения, в других интервью данной характеристики не встречалось. Само это определение – «безразличие» – показалось наиболее символичным, характеризующим реалии современных отношений мигрантов и принимающего сообщества.

Из дополнений можно выделить несколько интересных фраз из разных интервью: «В 95% точно ни религиозной, ни национальной нетерпимости нет, т. е. в этом плане никаких сложностей не испытываем, только, может быть, самую малость, что в общем-то неизбежно нигде, даже в Узбекистане». Либо: «Не очень хочу про это говорить, зачем плохое вспоминать? Со стороны местных ничего особенного, иногда, когда в автобусе еду, чувствую косые взгляды, толкнуть могут. Но тут такое везде, не думаю, что это по отноше-

нию ко мне именно такое». Также несколько человек заявили, что случаи негативного отношения были, но они не заостряют на этом внимание и считают, что это исключение из правил, отмечая нейтральное и спокойное отношение к себе. Один из опрошенных (студент) заявил, что с дискриминацией сам не сталкивался, но знает о дискриминации по языковому признаку от других (не знающих русского языка). Другой респондент, из Ургенча, столкнувшись с проявлением ксенофобии и вынужденный перевезти детей обратно в Узбекистан, сравнил произошедшее с бытовой ксенофобией в отношении русского (славянского) населения, имевшей место в первые годы независимости страны.

Больше, чем проявления ксенофобии со стороны маргинальной части общества, мигранты опасаются нарушить миграционные законы Российской Федерации. Можно привести цитаты из интервью с мигрантами для более яркого подтверждения:

Потому что абсолютно любому мигранту, который приезжает сюда, нужно оформить столько документов! Это такая морока, вы себе не представляете. И в этом году еще и немного усложнили правила пребывания в РФ.

По поводу трудностей. Я прекрасно понимаю, что это государственные правила, что это миграционная политика, но РФ так загнула все эти законы.

УФМС ужасно относятся к мигрантам. Это такой ужас и кошмар. Я там не была, но у меня очень много знакомых и моя семья там бывали, чтобы оформить документы. Такие рассказы оттуда приносят, это ужас. Сотрудники относятся к мигрантам как к собакам (*из интервью с Ганджиной, 19 лет, г. Канибадама, Республика Таджикистан*).

В первую очередь это оформление каких-то документов: если у тебя паспорт Республики Узбекистан, т. е. не российский паспорт, то твои документы... у тебя гораздо больше проблем, собственно, вот и все (*из интервью с Жавохиром Муминовым, 22 года, г. Самарканд, Республика Узбекистан*).

Недавно прибывшие мигранты уточняют, что по сравнению с прошлым опытом приехавших родственников сейчас повышаются сборы и налоги.

Жалобы высказываются по поводу наличия коррупции в российских силовых структурах. Несколько респондентов отметили данное обстоятельство:

Да, даже в самом УФМС были случаи, когда оформляли фальшивые документы за стоимость настоящих. Иногда правоохранительные органы пытаются вытянуть взятку с мигранта, даже если у него все в

порядке с документами (*из интервью с Ганджиной, 19 лет, г. Канибадама, Республика Таджикистан*).

Во-первых, есть коррупционная схема, которая не позволит ему очень просто получить патент, хотя законом предусмотрено, что он не должен испытывать какие-то сложности при получении патента, вот, но, к сожалению, в МФЦ есть коррупция, которая не дает гражданам получить в установленном законом порядке патент (*из интервью с Жавохиром Муминовым, 22 года, г. Самарканд, Республика Узбекистан*).

На следующий день я опять через эту дорогу пошла, и этот же полицейский меня поймал, бумажку забрал. Говорит: «Десять тысяч принеси, и все я отдам» (*из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан*).

Что касается проблемы занятости, то крайне сложные процедуры получения разрешения на работу и жесткие правила регистрации ведут к неформальной занятости, а также объективно способствуют закреплению произвольных действий в отношении мигрантов и коррупции в правоохранительных и иных проверяющих органах власти. В условиях правовой неопределенности трудовые мигранты обычно соглашались работать при отсутствии всяких гарантий со стороны работодателя. В данной ситуации трудовые мигранты стараются устроиться к своим землякам, поскольку в этом случае им может быть обеспечен некий минимум гарантий по оплате и проживанию.

Сюда можно отнести проблемы, связанные с медицинской помощью, о которых несколько раз с большой горечью рассказывали мигранты:

А еще приплюсовать медицинскую помощь. Ее тоже трудно получить, бесплатную. Это практически невозможно (*из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан*).

Что касается языкового вопроса, то более трети опрошенных отмечали такого рода проблемы. Отмечалось, что административные барьеры миграционной политики концентрируют свое внимание на культурной составляющей (язык, история), с которой должен быть ознакомлен мигрант:

И главная проблема именно в знании языка, потому что им тесты сдавать надо на знание, поэтому они испытывают трудности в первую очередь со знанием языка и во вторую очередь это надо знать законы (*из интервью с Асел Осмоналиевой, 20 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Первичными, с точки зрения опрашиваемых, являются задачи, связанные с базовыми потребностями, и у только приехавших нет времени и попросту сил заниматься бюрократической волокитой. В свою очередь, сегодня нивелируются те первичные проблемы, которые существуют у любого человека, старающегося освоиться на новом месте.

Один из опрашиваемых сделал следующее предположение:

В основном тоже все зависит от работы. Наверно, можно спокойно разделить на два типа людей: первый – кому не нужно никакого изучения языка, закона, потому что у них есть посредники (за которых отвечают посредники), вот зачем им учить русский язык? *(из интервью с Осломом Юсуповым, 26 лет, г. Фергана, Республика Узбекистан).*

Понятна стратегия непостоянного пребывания: желание просто заработать на сезонной и не очень высокооплачиваемой работе. В этой связи резко отличается стратегия молодых людей, которые стремятся к интеграции и хотят стать полноправными гражданами; ясно, что с проблемами адаптации в общей массе опрошенных сталкивается в основном молодежь. Это связано со студенческой активностью:

И да, поначалу было межкультурное столкновение взглядов, интересов, разные мировоззрения. Мне было нелегко включиться в эту подростковую жизнь. Но потом, когда я поступила в техникум, встретила с людьми постарше, которые иначе думают, мне стало легче. А сейчас в университете уже очень хорошо *(из интервью с Севинч, 18 лет, г. Ташкент, Республика Узбекистан).*

Молодые люди обращают внимание на сложности вхождения в новое сообщество, такие как неприятие и невозможность быстрого усвоения культурных паттернов:

Пережить надо было именно культурный шок. Есть такой термин. Потому что все-таки мы же приезжаем из Центральной Азии, а Центральная Азия считается тоже немножко такой восточной страной. И там много чего по-другому совсем. Потому что, если человек приезжает – традиционный таджик или узбек, – ему все, что он видит тут, в Питере, это неправильно.

Никто не очернял друг друга за спиной, а тут я приехала в Россию и вижу элементарно, что дружат две девочки, но стоит им один раз поссориться, и они уже друг друга могут на всю аудиторию оскорблять. И вот мои одногруппники русскоговорящие сидели и своих же

русскоговорящих очерняли. Я была шокирована и подумала, что если они друг друга так очерняют, то представляю, как они отзываются обо мне, когда я выхожу отвечать, например (*из интервью с Хафизой, 20 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

Один из опрошиваемых на своем примере подтвердил разность в поведенческих установках, которые присущи молодым мигрантам, стремящимся к более высокому уровню образования, качеству жизни, и теми, кто находится на более низком социальном уровне:

...потому что иногда люди, которые здесь находятся, не хочу никого обидеть, но они не совсем еще достигли какого-то уровня, и они могут с тобой панибратски пообщаться, могут начать флирт (*из интервью с Хафизой, 20 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

Наиболее острой и недостаточно проработанной является проблема, касающаяся детей мигрантов. Респонденты неоднократно отмечали, что они наблюдали ситуации, когда дети мигрантов оказывались в изоляции:

Я где-то с шестью детьми близко пообщалась, и пять из них, опустив глаза вниз, сказали, что с ними никто в классе не общается. А шестой человек сказал, что с ним никто не общался три года, только в четвертом классе со мной начали общаться (*из интервью с Ганджиной, 19 лет, г. Канибадама, Республика Таджикистан*).

Исходя из такого опыта опрошиваемых, можно констатировать, что институты адаптации на уровне школ фактически не существуют. Получить место в детском саду или устроить ребенка в школу для мигрантов также намного сложнее, чем для местных жителей.

Определяемые категории самоидентификации локальной, национальной и транснациональной не были жестко ограничены и приобретали значение при необходимости разного рода взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, с институтами власти (полиция, УФМС и пр.) либо с бывшими соотечественниками. Например, локальная самоидентификация, в понимании важности единства этнического происхождения, манифестировалась в основном выходцами из Узбекистана и реже из Таджикистана. По большей части это была реакция на вопрос относительно выбора партнера для брака, но этнический фаворитизм проявлялся и в отношении предпочтения работы в моноэтническом коллективе.

Национальная категория самоидентификации в большей степени проявлялась в стремлении на домашнем уровне обеспечить себя

условно «национальным» бытом: смотреть телеканалы и фильмы на своем национальном языке, слушать национальную музыку и есть национальные блюда. В меньшей степени это стремление наблюдалось у мигрантов из Кыргызстана. Подобная установка частью респондентов воспринималась как соблюдение традиций. При этом именно ее наличие подтверждает актуальность транснационального подхода к изучению явления трудовой миграции из Средней Азии в Россию.

В процессе интервьюирования было выявлено значение и наднациональной, точнее религиозной, категории самоидентификации среди мигрантов. Проявлялась она в ответах на вопросы относительно традиций (неразрывно связанных с религией) и в отношении перспективы женитьбы (или замужества) с представителями другой религии и национальности.

Благодарности

Авторы статьи благодарят своих коллег Г.А. Гайнетдинову и Д.С. Королькову, помогавших проводить интервью, и выражают особую благодарность сотруднику ПСП-фонда А.Н. Якимову.

Acknowledgments

The authors thank G.A. Gainetdinova and D.S. Korolkov, who helped conduct the interview, and express special gratitude to A.N. Yakimov, the employee of the Charitable Fund for the Support and Development of Educational and Social Projects (ЕСР).

Литература

- Абашин 2017 – *Абашин С.Н.* Адаптационные стратегии узбекских мигрантов в Санкт-Петербурге // Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 84–107.
- Абашин 2015 – *Абашин С.Н.* Возвращение домой: Семейные и миграционные стратегии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашин 2012 – *Абашин С.Н.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
- Бритвина, Шумилова 2017 – *Бритвина И.Б., Шумилова П.А.* Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтнических мигрантов в России // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. № 3 (17). 2017. С. 317–326.
- Глушченко 2005 – *Глушченко Г.И.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 12. С. 50–57.

- Даудов, Алимджанов, Андреев, Шорохов, Янченко 2018 – *Даудов А.Х., Алимджанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г.* Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // Этнографическое обозрение. № 5. 2018. С. 146–161.
- Иванюшина, Александров, Казарцева 2016 – Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева В.А. Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2 (19). 2016. С. 113–128.
- Максименкова, Сорокина 2014 – *Максименкова М.С., Сорокина А.А.* Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути к адаптации // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 166–176.
- Малахов 2015 – *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. 272 с.
- Моргунова 2014 – *Моргунова А.Б.* Социальное взаимодействие: миграционное законодательство и практики как форма социального исключения мигрантов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 1–2 (117). С. 83–95.
- Мукомель 2018 – *Мукомель В.И.* Трудовые мигранты в России: Проблемы интеграции и идентичности // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции. 4–5 июня 2018 г. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2018. С. 238–243.
- Окладникова 2014 – *Окладникова Е.А.* Трудовая миграция: теория и практика. М.: Директ-медиа, 2014. 67 с.
- Руденко 2011 – *Руденко А.А.* Социальная адаптация трудовых мигрантов в строительной отрасли Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 4. С. 86–104.
- Трансформация 2014 – Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. 144 с.
- Трудовая миграция 2016 – Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и в России. СПб.: Скифия-принт, 2016. 192 с.
- Франц 2017 – *Франц В.А.* Гражданская идентичность мигрантов как фактор их интеграции в принимающее сообщество // Этнокультурная и межрелигиозная коммуникация в образовательной среде: Тенденции развития и управления рисками: Материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург: [Б.и.], 2017. С. 474–479.
- Щербакова 2017 – *Щербакова Е.М.* Миграция в России, предварительные итоги 2017 года [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2017. No. 763–764. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 30.01.2019).
- Levitt 2001 – *Levitt P.* The Transnational Villagers. University California Press. 2001. 294 p.
- Nye, Keohane 1971 – *Nye J., Keohane R.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
- Shiller, Basch, Blanc-Szanton 1992 – *Shiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C.* Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 645. N.Y.: Thomson Reuters, 1992. P. 1–24.
- Vertovec 2009 – *Vertovec S.* Transnationalism. N.Y.: Routledge, 2009.

References

- Abashin, S.N. (2017), "Adaptation strategies of Uzbek migrants in St. Petersburg", *Mezhetnicheskaya napryazhennost' v menyayushchemsya social'nom kontekste. Rezul'taty issledovaniya* [Inter-ethnic tensions in a changing social context. Research results], FSISC RAS, Moscow, Russia, pp. 84–107.
- Abashin, S.N. (2015), "Homecoming: Family and Migration Strategies in Uzbekistan", *Ab Imperio*, no. 3, pp. 125–65.
- Abashin, S.N. (2012), "Central Asian migration. Practices, local communities", *Ethnographic Review*, no. 4, pp. 3–13.
- Britvina, I.B. and Shumilova, P.A. (2017), "Cultural identity and problems of adaptation of ethnic migrants in Russia", *Bulletin of RUDN, Seriya: Sociologiya*, no. 3 (17), pp. 317–26.
- Glushchenko, G.I. (2005), "Migrant transnationalism and global development prospects", *World economy and international relations*, no. 12, pp. 50–7.
- Daudov, A.H., Alimdzhanov, B.A., Andreev, A.A., Shorohov, V.A. and Yanchenko, D.G. (2018), "State policy of identity in Uzbekistan in the late Soviet era and the era of independence", *Ethnographic Review*, no. 5, p. 146–161.
- Ivanyushina, V.A., Aleksandrov, D.A. and Kazarceva, V.A. (2016), "Ethnic identity of migrant teens", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 2 (19), pp. 113–28.
- Levitt, P. (2001), *The Transnational Villagers*, University California Press, California, USA.
- Maksimenkova, M.S. and Sorokina, A.A. (2014), "Russia through the eyes of migrant workers. Value barriers to adaptation", *Social sciences and modernity*, no. 5, pp. 166–176.
- Malahov, V.S. (2015), *Integratsiya migrantov: Konceptii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices], Fond "Liberal'naya missiya", Moscow, Russia.
- Morgunova, A.B. (2014), "Social interaction: immigration laws and practices as a form of social exclusion of migrants", *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*, no. 1–2 (117), pp. 83–95.
- Mukomel', V.I. (2018), "Labor Migrants in Russia: Issues of Integration and Identity", *Migratsionnye protsessy i ikh vliyaniye na demograficheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Dal'nego Vostoka: Sbornik trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. 2nd Int. Research and Practice conference "Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East"], Vladivostok, Russia, 4–5 June, 2018, pp. 238–43.
- Nye, J. and Keohane, R. (1971), "Transnational Relations and World Politics: An Introduction", *International Organization*, vol. 25, no. 3, pp. 329–49.
- Okladnikova, E.A. (2014), *Trudovaya migratsiya: teoriya i praktika* [Labor Migration: Theory and Practice], Direkt-media, Moscow, Russia.
- Rudenko, A.A. (2011), "Social adaptation of labor migrants in the construction industry of St. Petersburg", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no. 4, pp. 86–104.
- Franz, V.A. (2017), "Civic identity of migrants as a factor in their integration into the host community", *Etnokul'turnaya i mezhreligioznaya kommunikatsiya v obrazovatel'noi srede: Tendentsii razvitiya i upravleniya riskami: Materialy regional'noi*

nauchno-prakticheskoi konferentsii [Proc. Regional Scientific Conference “Ethno-cultural and interfaith communication in the educational environment”. Development Trends and Risk Management”], Ekaterinburg, Russia, 31 March – 1 June 2017, pp. 474–79.

Shcherbakova, E.M. (2017), *Migratsiya v Rossii, predvaritel'nye itogi 2017 goda* [Migration in Russia, preliminary results of 2017] [Online], Demoscope Weekly, no. 763–764, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (Accessed 30 Jan. 2019).

Shiller N.G., Basch L. and Blanc-Szanton C. (1992), “Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration”, *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 645, Thomson Reuters, N.Y., USA, pp. 1-24.

Vertovec, S. (2009), *Transnationalism*, Routledge, N.Y., USA.

Информация об авторах

Артём А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; a.a.andreev@spbu.ru

Александр В. Ахматшин, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; politolog2712@mail.ru

Елизавета А. Годунова, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; lisaveta.godunova@gmail.com

Иван И. Наледин, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; naledin.ivan@mail.ru

Ольга М. Малахьева, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; oliviahere87@yandex.ru

Светлана А. Химчук, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; khimchuksvetlana@gmail.com

Ислам Ильхом угли Юсупов, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; islam18@list.ru

Information about the authors

Artem A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *a.a.andreev@spbu.ru*

Alexander V. Akhmatshin, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *politolog2712@mail.ru*

Elizaveta A. Godunova, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *lisaveta.godunova@gmail.com*

Svetlana A. Khimchuk, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *khimchuksvetlana@gmail.com*

Ivan I. Naledin, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *naledin.ivan@mail.ru*

Olga M. Malakhieva, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *oliviahere87@yandex.ru*

Islam Ilkhom Ugli Yusupov, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *islam18@list.ru*